

535.102

**ИЗ
ДНЕВНИКОВ
СОВРЕМЕННИКОВ**

525102

ИЗ
ДНЕВНИКОВ
СОВРЕМЕННОКОВ

10 л. илл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1969

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ:

«ЧТО ГИБЕЛЬ НАМ! МЫ ДАЖЕ СМЕРТИ ВЫШЕ.
В МОГИЛАХ МЫ ПОСТРОИЛИСЬ В ОТРЯД
И ЖДЕМ ПРИКАЗА НОВОГО. И ПУСТЬ
НЕ ДУМАЮТ, ЧТО МЕРТВЫЕ НЕ СЛЫШАТ,
КОГДА О НИХ ПОТОМКИ ГОВОРЯТ».

«ОН НЕ ЛЮБИЛ в стихах многоречивой словесности, но обожал земную вещьность образа. Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надежного полета ей нужны тяжелые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи — земные, прочные, годные для дальних перелетов...»

Так говорил, вспоминая о Николае Майорове, его старший друг Д. Данин.

Родился Николай Майоров в 1919 году — он ровесник Михаила Кульчицкого — в семье ивановского рабочего. Учился на историческом факультете МГУ, посещал поэтический семинар в Литературном институте имени Горького. Летом 1941 года, когда фашисты рвались к Москве, вместе с другими студентами он рыл противотанковые рвы под Ельней, а в октябре ушел на фронт. Погиб в феврале 1942 года.

На литературном конкурсе имени Николая Островского, посвященном 50-летию Советской власти, Николай Майоров посмертно награжден мемориальной медалью.

МЫ

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки,
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы, —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках
на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах
устных

Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача,

минар П. Антокольского в Литературном институте. Удивительно скромный, ничем внешне не выдающийся, он обладал в то же время твердым чувством собственного достоинства. И когда глуховатым голосом, чуть окая, он читал стихи, все понимали: перед ними настоящий поэт. Товарищи ценили его верность слову и дружбе. И так же, как другу, как матери, он был верен родной земле.

Сразу после начала войны Майоров подал в военкомат заявление с просьбой о зачислении его в армию добровольцем, и в тяжелые для Москвы дни октября 1941 года его просьба была удовлетворена. История перестала быть для Майорова рассказом о прошлом. Она превратилась в его собственную военную судьбу, в судьбу его поколения...

После войны друзья Майорова — В. Н. Болховитинов и В. С. Жуков собрали сохранившиеся рукописи товарища. Так родилась первая и единственная книга стихов Майорова «Мы» (названа так по стихотворению, которое вы только что прочитали), она вышла в свет через 20 лет после гибели поэта. Пройдя сквозь годы, победив смерть и забвение, поэзия Николая Майорова вышла к людям, неся им радость бытия и красоту земли.

19 июля 1940 года

Милая моя Ярынка! *

Сегодня получил твое письмо. Это очень интересный дорожный дневник. Читал я его, страшно завидуя тебе и твоим соседям по полке. В самом деле — «Под Моршанском ромашки!» Как звучит! А дальше — «сено, перепелка, дорога, музыка на перроне...». Все страшно хорошо, шумно, пестро и случайно. А еще дальше, несколькими строчками ниже — «Леса. Много, много цветов». Одним словом — настоящее письмо. Из тех самых, которые «трогают». Оказывается, и ты не избегла разрушительного действия цыганских «рыданеов», которые наполняли ваш вагон. Ярынка, а помнишь —

Пространство рвали тормоза,
И ночь пока была весома,
Все пассажиры были за (!!!)
То, чтоб им спалось, как дома.

А я ехал не так **. Совсем скучно. Ни Изабеллы Юрьевой, ни Ханы, ни цветов, ни Волги — ничего

* Письма адресованы Ирине Васильевне Пташниковой — однокурснице Н. Майорова. Сейчас И. В. Пташникова — археолог.

** Студенческие каникулы Н. Майоров проводил обычно в родном городе Иванове, где с 1929 года жила вся семья и где он окончил 33-ю среднюю школу (сейчас 26-я восьмилетняя; пионерская дружина носит имя поэта).

этого у меня в дороге не было. Ехал подобно мелкому служащему, возвращающемуся из командировки, на третьей полке, ехать было не так уж долго — всего какие-то 8—9 часов. Грустно. Посмотрел с «высоты птичьего полета» вниз на брентную жизнь простых смертных, и стало мне их, бедных, страшно жалко. Вечно они куда-то едут, громыхают тяжелыми чемоданами, громко и некрасиво скандалят у вокзальных касс. Посмотрел я на них и — захотелось мне до смерти курить. Достал из портфеля табак. Вспомнил — она мне дала кисет.

...Приятно лежать на спине и пускать кольца дыма в потолок вагона (да, а есть ли у вагона потолок?). Кончил курить. Голова чуть кружилась. Медленно нащупывались какие-то отдельные строчки, потом сон брал свое, слова куда-то проваливались, а память их снова возвращала.

Почему-то вспомнил свой давний стих —

Лишь мне останется грустить
И, перепутав адрес твой,
К концу пути придумать стих
Такой тревожный, бредовой.

Чтоб вы, ступая на перрон,
Познали делом, не словами,
Как пахнет женщиной вагон,
Когда та женщина — не с вами!

А правильно все-таки когда-то сказал. Потом снова долго и мерно качало. Ехали. Показалось, что я где-то давно тебя оставил и прощались мы не вчера, а давно-давно. Снова навязывались целые строфы, полез за записной книжкой, а то забуду. Записал. Писать было трудно — вагон качало. Получилось вот что:

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества, умение созидать,
На камень камень класть,
вести леса строений,
Не спать ночей, по суткам голодать,
Нести всю тяжесть каждодневных бдений.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой ровень

И воду пить из тех целебных рек,
К которым приложился сам Бетховен;
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав, оставить кисти сыну, —
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли!

Убежден, что такие стихи нужны. Найдутся такие, которые скажут — непонятно! А что им понятно, с позволения сказать?..

В Иванове — гастроль Малого академического театра (из Москвы). 14-го смотрели с Костей* «Коварство и любовь», я ее и раньше видел. Все больше и больше убеждаюсь, что я — реалист. И хотя знаю, что к трагедиям Расина, Корнеля и того же Шиллера надо относиться с уважением, но меня раздражают такие пошловатые выкрики Фердинанда, как «союз наших сердец» и пр. и пр. Я понимаю, что старик Шиллер в этом не виноват. Это определялось временем и тогдашними вкусами. И обвинять шиллеровских героев в их пошло-избитом любовном словаре — это все равно, что обвинять их в том, что они носили парики. Но все-таки я не могу без раздражения слышать о «союзе наших сердец», да еще о «союзе вечном». А в общем — на эту тему мы с тобой поговорим как-нибудь после, написать об этом вовсе невозможно...

...Ярынка, очень соскучился по тебе. Как жаль, что самое лучшее время в году — лето мы с тобой находимся не вместе. Хочу знать, что ты думаешь обо мне? И вообще думаешь ли?

Ты хотя бы почаще пиши, то же самое буду делать и я. Милая моя Ярынка, что ты сейчас делаешь? Мне кажется, что я очень давно, «страшно давно» не видел тебя. А как бы я хотел постоять с тобой у окна! А вдруг наше окно заняли?

* К. Титов — одноклассник Майорова, сейчас — артист Рижского русского театра юного зрителя.

Скучно все-таки, безрадостно знать, что она не придет к тебе вечером, не обнимет, не поцелует...

Посмотрю на ладонь, а на ней уже давно нет тех хороших светлых слов о твоём коханом. Вот я кончаю писать. Ярынка, дорогая моя, отдыхай лучше, будь здорова!

Губы твои, глаза, родинку целует твой Колька.

Р. С. Да прости, если обнаружишь ты здесь бред!

К.

Я лирикой пропах, как табаком,
И знаю — до последнего дыханья
Просить ее я буду под окном,
Как нищий просит подаянья.

Мне надо б только: сумрак капал,
И у рассвета на краю
Ночь, словно зверь большой, на лапы
Бросала голову свою...

1938 г.

Ни наших лиц, ни наших комнат...
Но пусть одно они запомнят:
Вокруг Московского Кремля
Вращалась в эти дни Земля.

1941 г.

Между 9 и 15 сентября 1941 года

Ирина, здравствуй!

Недавно мне Н. Шеберстов* передал твою открытку — спасибо, что ты еще помнишь обо мне. Когда я находился на спецзадании**, я почему-то не отчаивался получить от тебя письмо. Но, представь себе, всем писали, я же почти все 2 месяца не имел ни от кого ни одного письма. И ты не догадалась. Адрес же наш всему истфаку был известен. Ну да

* Николай Шеберстов — одноклассник Майорова, иллюстрировавший все школьные тетради стихов будущего поэта (хранятся в архиве В. Н. Болховитинова и в ЦГАЛИ); сейчас — художник-график.

** Студенты МГУ копали противотанковые рвы под Ельней.

ладно — не сетую. Чем это я заслужил от тебя письмо? Конечно, ничем.

А все-таки ждал.

В Москву прибыли 9 сентября. Я страшно загорел, окреп. Работать было очень трудно, но об этом когда-нибудь после подробнее расскажу, если удастся свидеться.

...В 418 школе на одной двери нашел случайно твою фамилию: ты там жила. Как был бы я рад, если бы там жила ты и сейчас!

Но я бью себя за излишнее проявление лирического восторга. В райвоенкомате прошел медкомиссию. Ждем, когда возьмут в армию. А когда, неизвестно: может, сегодня вечером, а может — через месяц. Я получил назначение на работу в Можайск, но это — простая формальность. Я не безногий, чтоб ехать на работу. Из Москвы выезд райвоенкоматом запрещен.

Если после войны буду жив, буду проситься работать в Среднюю Азию, — мне надо найти тебя*. Когда это будет и будет ли?

Почти все ребята успели сдать госэкзамены и получить дипломы. А я — прогулял. Возможно, сдам числа 15-го, а не сдам — пусть...

Ты в открытке желаешь мне мужества, если буду в бою. Спасибо. Хотя ты знаешь, что в этом деле я не отличусь, но что могу сделать — сделаю.

Ну, желаю тебе здоровья и счастья!

Живи хорошо. Целую. *Ник.*

Р. С. Все же смею надеяться на твое письмо. Привет от К. Титова, Н. Шеберстова и В. Малькова, которые всегда хотели видеть, чтоб я был вместе с тобой, а посему особенно зло лают на меня сейчас.

Я не утерплю и вслед этому письму пошлю второе.

ТЕБЕ

Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша,
когда

* И. Пташникова, которую из-за плохого зрения медкомиссия не пропустила в армию, получила назначение на работу в Ташкент.

ты надорвешь конверт
армейский белый
с «осьмушкой» похоронного листа...
Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.
Но в нем тебе не нравилась
одна лишь
для женщины обидная черта:
он был поэт, хотя и малой силы,
но был,
любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла
и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг
перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду отдать бы мог тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудачки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки.

22 октября 1941 года

Здравствуй, Ирина!

Опять хочется тебе писать. Причем делаю это без надежды получить от тебя ответ: у меня нет адреса.

Сейчас я в армии. Мы идем из Москвы пешком по направлению к Горькому, а там — неизвестно куда. Нас, как население, годное к службе в армии, решили вовремя вывести из Москвы, которой грозит непосредственная опасность. Положение исключительно серьезное. Я был раньше зачислен в Ярославскую летную школу. Но когда вокруг Москвы создалось напряженное положение, меня мобилизовали в числе прочих. Сейчас направляемся к формировочному пункту, расположенному где-то около Горького. 15—16—17 октября проходила эвакуация Москвы. Университет эвакуируется в Ташкент, к тебе.

Ребята вышли из Москвы пешком — эшелонов не хватило.

Многие ребята с нашего курса поспешили сняться с военного учета и смыться заблаговременно из Москвы...

Мы вместе с Арчилом Джапаридзе (только вдвоем) * не снялись с учета и вот сейчас уже находимся в армии. Вообще подробно тебе об этих днях — по-своему интересных — расскажу после.

Идя в армию, я лишал себя возможности увидеть скоро тебя. А хотелось видеть тебя!

Сейчас нас, людей самых разных возрастов и профессий, ведут по шоссе Энтузиастов по направлению к Мурому. Идем пешком. Устали ноги. Прошли Ногинск и Покров. В какую часть я попаду — не знаю. Адреса у меня пока нет.

Хотелось бы видеть, какая сейчас ты.

Целую крепко (очень).

Ник.

8 ноября 1941 года

Здравствуй, Ирина!

Опять пишу.

Мы уже за Арзамасом. Скоро перейдем Волгу. В общей сложности мы должны пройти пешком около 1000 км, из них почти половина осталась за спиной. Через месяц, возможно, наконец прибудем на формировочный пункт, а там неизвестно, куда нас определят. От фронта мы почти так же сейчас далеки, как я далек сегодня от тебя. Очень беспокоюсь за братьев, а равно и за родителей. Едва ли сейчас в Иванове спокойно.

В Муроме встретили некоторых ребят из университета... Увидев нас в шинелях (меня и Арчила), оглядывали нас, как старик Бульба сыновей своих некогда...

А самое страшное — едва ли удастся увидеть тебя, слишком, слишком взаимно противоположные

* Эти слова были написаны в запальчивости. Война с первого дня разбросала бывших однокурсников, и они призывались в других военкоматах, а потом встречались на фронтовых дорогах.

направления приняли дороги наши. Мне 22 года, впереди армия, фронт и вообще черт знает что. Еще страшнее то, что ты думаешь обо мне, пожалуй, не совсем хорошо. И права. Вот и стучу себя в грудь кулаком, а иногда такое настроение — забыла; ладно, все перемелется...

А верстовые столбы — без конца, идешь-идешь, думаешь-думаешь, и опять ты где-нибудь выплывешь, и все — сызнова. Курю. Думаю. Ругаю. Всех. Себя. Иногда разговаривать ни с кем не хочется. Даже с Арчилом. Насуплюсь и молчу.

Тяжело идти, но я, дай бог, более или менее вынослив. Плохо (очень) с питанием. Есть с чего быть злым. Сплю на шинели, шинелью покрываюсь, в головах — тоже шинель. Не подумай, что их — три шинели. Все это случается с одной шинелью.

А рядом идут куда-то поезда. Может — и в Ташкент. И вдруг рассердишься — да что я это, в самом деле? Все перемелется, все. Будем веселыми.

И ты хорошо живи, веселей, бери все, что можно, а вообще мне тебя не учить. Это я просто от злости бешусь. Злых я люблю, сам — злой.

Целую.

Еще раз, еще.

Ваш покорный слуга *Ник.*

И зачем я пишу все это? А?

В тот же день

Добрый день, мои дорогие родители *, а также братья Шура и Витя...

Сейчас я нахожусь за Арзамасом. Сегодня — 8 ноября — у нас первая дневка, а то все шли и шли. Сегодня побрились, попали к доброй хозяйке, она нас мясным супом накормила. Вообще мне немного легче приходится — нас в колонне с высшим образованием человек пять. Командир нашего взвода окончил наш университет, а ротный — инженер. Мы квартируем все время втроем... Вообще мы дружим, — каждой коркой и каждым рублем делимся. Я на вре-

* Петр Максимович (1882—1967) и Федора Федоровна (1888—1965) жили в Иванове. Немногие письма к ним хранятся сейчас в архиве В. Н. Болховитинова.

мя назначен помощником комвзвода (до места следования). Идем вот уже 20 дней, еще пройдем больше полмесяца. Километров 40 до Арзамаса ехали на поезде, а то все пешком. В общей сложности до места следования мы пройдем около 1000 км — и все пешком. Сейчас здесь уже выпал снег, ветры дуют резкие, многие ребята кашляют, я пока еще не успел простудиться.

С дороги послал одно письмо Алексею *, а вот сегодня думаю еще одно послать. Напишу и Ивану ** письмо... Немцы под Москвой задержаны, и их наступление пока отбито.

В первом же письме напишите мне, как живете, как тятя с Александром работают. Не призвали ли Шурку в армию? Он с 1924 г., а в нашей роте 6 чел. с 1924 г.

...Ну обо мне беспокойтесь меньше всего, поход я выдержу, а там увидим, что будет. Белье у меня теплое, мерзнуть меньше других буду. Сейчас всем трудно. Праздник мы плохо проводим, а и до праздника ли сейчас?!

Ну пока все. Завтра утром идем дальше. Мы перешли Оку, скоро за Волгу доберемся.

Желаю Вам здоровья, меньше волнения, спокойней живите.

Ваш сын *Ник.*

Шура и Витя!

Прошу Вас — живите дружнее, так дружно, как дружно живут ваши три старших брата, находящиеся в РККА. Помогайте маме и тятю, все делайте для того, чтобы они меньше беспокоились. Давайте побольше старания, сами понимаете — война.

Ваш брат *Ник.*

* * *

...Мне стал понятен смысл отцовских вех.

Отцы мои! Я следовал за вами

* Алексей Петрович Майоров — старший брат поэта, летчик-истребитель; участвовал в боях на Халхин-Голе; с первого дня войны находился в действующей армии. Ныне А. П. Майоров гвардии полковник в отставке, живет в Минске.

** Иван Петрович Майоров — брат поэта, погиб на фронте.

С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

1938 г.

18 декабря 1941 года

Ирина, здравствуй!

За последнее время никому так много не писал писем, как тебе. Не знаю, радоваться или плакать тебе по этому случаю. Домой я не писал 1½ месяца — не знаю, что уж обо мне там теперь думают. О брагьях ничего не слышу. А как бы хотелось *все* обо *всех* знать!

Сегодня — 18 декабря — ровно 2 м-ца, как я в армии. По этому случаю и пишу домой, тебе, братьям.

Я чуть было не был демобилизован (по приказу НКО о дипломниках), но почему-то задержали...

А теперь перспектива такова. До нового года нас обещают маршевой ротой отправить на фронт. Но яснее никто ничего не знает.

Скучна жизнь, да ничего не поделаешь — война. Многого бы хотелось, да не все есть. Сейчас приходится меньше требовать, а больше работать.

Хочется увидеть тебя, говорить с тобой, глядеть на тебя. Пока же кое-как удалось прочесть «Юморески» Гашека и «Два капитана» Каверина. Если не читала последнюю книгу, прочти — хорошая. А в общем — скучно и грустно. Радуюсь нашим успехам на фронтах. Боюсь за братьев.

Напиши мне письмо, возможно, оно застанет еще меня здесь.

Целую. *Ник.*

Привет от Арчила.

28 декабря 1941 года

Здравствуй, Ирина!

Жду эшелона для отправки на фронт.

Нахожусь в маршевой роте. Говорят, нас направляют в гвардейские части, на Московский фронт. Хорошо бы ехать через Иваново — возможно, за-
бегу.

Обмундированы хорошо: полушубки, ватники, в дороге валенки дадут. Дали махорки — самое главное. Воевать придется в самые зимние месяцы. Ну да ладно — перетерпим. Арчила не взяли в гвардию — слепой. Тяжело было расставаться с ним*.

Поздравляю тебя с Новым годом, 1942! Что-то ждет меня в этом году? Ты знаешь, как я скверно встретил 1941 г. — был вызван сумасбродной телеграммой в Иваново. Сейчас Новый год я тоже встречу в вагоне. Песни петь буду. Тебя вспоминать. Жаль, что только вспоминать.

Ну, пока все, кажется.

Целую тебя много-много раз. *Николай.*

* * *

Когда к ногам подходит стужа пыткой —
В глазах блеснет морозное стекло,
Как будто вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло.

А между тем все жизненно и просто,
И в память входят славой на века
Тяжелых танков каменная поступь
И острый блеск холодного штыка.

В тот же день

Здравствуйте, дорогие родители, а также братья Шура и Витя. Шлю вам горячий привет. Сейчас нахожусь в маршевой роте, направляющейся на фронт. Нас направляют в гвардейские части. До этого времени работал помощником политрука.

...Страшно хотелось бы узнать, как вы живете, что слышно о братьях? Есть предположение — очень вероятное, — что мы едем на Московский фронт. Если поедем через Иваново, постараюсь вырваться, забежать, если поезд будет стоять. Сейчас, мне кажется, иначе в Москву и нельзя попасть, как через Иваново. Хорошо бы так получилось. Ну, пока все. Это письмо к Вам поздно, наверно, придет, я уже буду

* Арчил Джапаридзе позднее погиб на фронте.

к тому времени на фронте. При каждой возможности буду писать вам письма. Хотел телеграмму вчера из Йошкар-Олы послать, да очередь большая была — ждать некогда.

Ну, пока все. Обо мне меньше всего беспокойтесь.

Желаю вам здоровья. Ваш сын. *Ник.*

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле.
Лежим навтыжку и, приоткрыв гробы, —
Мы слышим гром предупреденной пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Комментирует поэт Владимир Жуков:

На мраморных скрижалях Центрального Дома литераторов навечно выгравированы имена писателей-фронтовиков, погибших геройской смертью в суровые годы Великой Отечественной войны. Писатели свято чтят память своих товарищей. Ежегодно 23 февраля — в День Советской Армии — в Доме литераторов, что на улице Воровского, собираются друзья, родственники погибших, читатели. С сердечной любовью вспоминают они тех, кто отдал свой талант и саму жизнь во имя победы над гитлеровцами, во славу своей великой Советской Родины...

Эту солдатскую годовщину вечная память и слава отметили бессмертием еще четверых поэтов-воинов. На мемориальную доску занесены имена Николая Майорова, Павла Когана, Николая Отрады, Михаила Кульчицкого. Они не были членами Союза писателей, они не успели вступить в него — ушли на фронт прямо из студенческих аудиторий.

Годы летят, и мало кто сейчас помнит в Иваново Колю Майорова — выпускника 33-й ивановской средней школы. И не только потому, что со дня выпускного школьного вечера минула четверть века и жизнь разбросала в годы войны сверстников по всей необъятной стране.

В те далекие дни летних и зимних каникул на традиционные вечера встреч десятиклассников с бывшими воспитанниками

33-й школы он возвращался в Иваново в буквальном смысле «набитый» стихами. С любовью, горячо рассказывал о поэтическом семинаре Павла Григорьевича Антокольского, наизусть читал стихи своих московских друзей. Без похвальбы, смущаясь, как бы не показаться выше других, иногда доставал он вырезки своих стихов из многотиражки «Московский университет».

— Болховитинов напечатал... Физик он. А послушай, какие стихи пишет! — И начинал читать Болховитинова. Ныне писатель, в те годы студент-физик, В. Н. Болховитинов являлся заведующим отделом литературы и искусства многотиражной университетской газеты*.

Желание остаться незамеченным, заслонить свои удачи успехами товарища было одной из отличительных черт характера Коли Майорова. О его человеколюбии, о всегданшем стремлении помочь ближнему можно было бы привести немало свидетельств. Памятен сороковой год. С финской войны, из госпиталей возвращались наши друзья. Как всегда, собрались у Майоровых — в деревянном домике, что на Авиационной улице**. Пришли люди, уже хлебнувшие лиха, познавшие войну не из литературы. Коля жадно расспрашивал, требовал мельчайших подробностей. В мире пахло «большим порохом». Хотелось знать все. Чаше, чем к другим, Майоров обращался к бойцу, правая рука которого висела на перевязи. А когда тот ушел, долго вззд и вперед бродил по комнате.

— Ведь у него локоть разбит. Разрывной пулей. Не будет рука работать... А без правой — ведь это беда-то какая!

И потом делал все, что только мог, чтобы как-то скрасить, устроить судьбу этого парня.

Но грянула Великая Отечественная война. Почерневший и посуровевший, с обострившимися скулами, появился он в Иваново летом сорок первого. На этот раз недолго ему довелось побыть дома: из Москвы телеграфно извещали, что на его имя пришла повестка из райвоенкомата...

Не без юмора обсуждали, в ботинках ехать или в полуботинках. Но юмор был наигранный. Остановились на военной форме. Вещь за вещь извлекались из сундука армейские сапоги, гимнастерка, галифе...

Меня это крайне удивило. И я, помню, сказал ему об этом.

— Ничего удивительного. Сейчас и портянки надену, и портупею... Да ты не думай, что вперед глядел, — говорил он, неторопливо выкладывая из сундука небогатое содержимое. — Это все Алексея. Ты же знаешь...

Старший брат Николая — Алексей — был летчиком-истребителем и уже находился «в деле».

Наконец все было найдено и надето. Я помог ему застегнуть портупею. С гражданской жизнью было покончено. Почти в каждую семью приходили повестки из райвоенкоматов. Не обошли они и нашу семью. С марша я получил от Николая одну-единственную открытку. Наспех, карандашом, он сообщал, что и как.

* В настоящее время В. Н. Болховитинов — главный редактор журнала «Наука и жизнь».

** Сейчас улица названа именем поэта.

Только в 1945 году, вернувшись с войны, я узнал, что нет больше Николая Майорова — замполита пулеметной роты.

В похоронной сообщалось: «Майоров Николай Петрович, уроженец г. Иванова, 1-я Авиационная, д. 18, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 8. 2. 42 и похоронен в д. Баренцово Смоленской области».

За давностью времени стоит он передо мной — живой, широкоплечий и сероглазый, с портупеей через плечо, человек недюжинного таланта, наш земляк, солдат и поэт Великой Отечественной войны.

